



УДК 343.98 : 159.9



Александр Сергеевич СЕРГИЕНКО,

заместитель начальника кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат психологических наук
al.s.krsk@yandex.ru

О ПРИМЕНЕНИИ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕСТУПНИКА

ON THE USE OF PROJECTIVE METHODS IN DRAWING UP A PSYCHOLOGICAL AND FORENSIC PORTRAIT OF AN UNKNOWN CRIMINAL

В статье раскрывается вопрос применения методов проективной психологии для интерпретации следов на месте совершения насильственных преступлений как источников информации о мотивах криминальной деятельности с целью последующего составления (уточнения) поискового психолого-криминалистического портрета неизвестного преступника.

Автором обосновывается идея о том, что проективные методы психодиагностики позволяют в большей степени, в сравнении с другими, отразить уникальную индивидуальность личности преступника, так как охватывают личность в целом, а не отдельные черты, и ориентированы на выявление ее скрытых, латентных или неосознаваемых сторон.

The article deals with the issue of projective psychology methods applying for interpretation of signs from locations of violent crimes as sources of information about criminal activity motives with the purpose of following drawing up (specification) of a search psychological and forensic portrait of an unknown criminal.

The author gives ground to the idea that psychognosis project methods largely allow, in comparison with other methods, to reflect the unique individuality of a criminal's personality as they analyze not peculiar features but the whole personality and aimed at revelation its hidden, latent or unconscious sides.

Ключевые слова: психолого-криминалистический портрет, проективная психология, неизвестный преступник, методика профилирования, поисковый портрет.

Keywords: psychological and forensic portrait, projective psychology, unknown criminal, profiling methods, search portrait.

Насильственные преступления, особенно серийные и/или совершенные по сексуальным мотивам, составляют относительно небольшой процент в общей массе преступлений. Но когда они совершаются, стандартные методы расследования часто

оказываются малоэффективными, потому что причинно-следственные связи и мотивы совершения таких преступлений не всегда очевидны.

Можно привести несколько имен серийных убийц, совершавших преступления в раз-



ное время (90-е, 2000-е годы) на территории Красноярского края: С. Нестеренко (4 жертвы), В. Колебин (6 жертв), А. Заманов (14 жертв), А. Васильев (17 жертв), В. Ершов (19 жертв) – список далеко не полный. Перечень тех, чьи преступления не освещались в средствах массовой информации по разным причинам, но хорошо известны красноярским полицейским, в несколько раз больше. И за каждым именем – кровавый след из оборванных жизней и изломанных судеб.

Общественный резонанс, сопровождающий такие события, их социальная опасность требуют от правоохранительных органов быстрых и решительных действий. В решении тактической задачи по поиску преступника следователям и оперативным сотрудникам значительную помощь могут оказать привлекаемые специалисты-психологи.

О.А. Логунова отмечает, что в этой ситуации эффективным может оказаться психологический анализ криминальной деятельности, вскрывающий ее субъективную смысловую сторону, вычлняющий личностную составляющую, которая содержится в обстоятельствах совершенного преступления. Теоретическим основанием такого анализа является положение о том, что все криминалистические характеристики преступления являются косвенным или прямым отражением личности и поведения виновного [5].

Очевидно, что преступник, совершая акт насилия над жертвой, не свободен в полной мере, поскольку его действия есть результат компромисса между тем, что он намерен сделать, между желанием и средствами его исполнения. Все же, поскольку действия преступника не ограничены ни логикой, ни моральными рамками, он руководствуется исключительно ранее подавляемыми глубинными инстинктами и желаниями, наполняет акт насилия наиболее адекватным личностным значением.

Данный тезис важен настолько, что сформулируем его более кратко и вместе с тем четко: способ совершения преступления (*modus operandi*) – это не только форма достижения результата, но и отношение преступника к жертве. В этом контексте очень показательна мысль Н. Бердяева о том, что физическое на-

силие, завершающееся убийством, есть знак духовного насилия, зла, совершающегося в духовной действительности [1, с. 177].

Аналогичные противоречия, приводящие к затруднениям при расследовании насильственных преступлений, совершенных, например, на сексуальной почве, неоднократно отмечал врач-психиатр доктор медицинских наук, профессор А.О. Бухановский, составивший в ходе розыска и последующего разоблачения серийного убийцы маньяка А.Р. Чикатило его психолого-криминалистический портрет: «Я выстроил модель психического заболевания этого человека [А.Р. Чикатило]... Врач видит ситуацию иначе. Серийный преступник оставляет следы, которые следователь лишь фиксирует. А врачу они говорят о многом. Например, манипуляции с глазами: когда преступник выкалывает своим жертвам глаза или вырывает их из глазниц. Случайностей здесь не бывает, эта жестокость свидетельствует об определенном этапе развития болезни» [2].

Наиболее глубоко проблема агрессивного поведения, природу которого следует искать в ходе онтогенетического развития человека как биологического вида, рассмотрена в работах В.И. Иванова. Так, по поводу намеренного повреждения глаз автор поясняет, что в таких случаях физическое насилие несет в себе символические смыслы, которые в виде психических следов отражаются в физических последствиях на теле потерпевших. Эти символические смыслы условно можно разделить на две подгруппы. Первую подгруппу составляют случаи, когда символика жестокости связана с содержанием конфликтной (месть, ревность и т. п.) криминогенной ситуации. При этом на теле потерпевших доминируют акцентированные повреждения лица, глаз, сердца, гениталий. Избирательный характер повреждения, например глазных яблок, говорит о том, что преступник, совершая преступление, подразумевал «бесстыжие глаза» неверной жены или супруга, повреждения области сердца – «черствое, злое сердце» и т.п. [4]

Во второй подгруппе символика такого рода жестокости формируют подсознательные механизмы архетипов. Физическая жестокость в этом случае «прочитывается» лишь на языке



так называемой «мистической анатомии». В мифах каждая часть тела, каждый орган имеет свою архетипическую легенду, проистекающую из древних представлений о сущности человеческого бытия. Глаза символизируют всевидящее Око Божие – его пронизательность, свет и разум и, наоборот, возможность оказания вреда через колдовство [4].

В целом складывается впечатление, что концепция природы человеческой агрессии в представлениях В.И. Иванова достаточно близка юнгианской психологии и существенно отдалена от современных валидных методов психодиагностики.

Несколько иной, но во многом созвучный символ повреждения глаз можно найти в работе Л. Тихомирова «Монархическая государственность»: «Государь был неограниченный властелин над чиновничеством, казнил его, выкалывал глаза и резал уши» [9]. В данном случае мотивом нанесения увечий является демонстрация неограниченной власти над жертвой. Имея представления о психологических особенностях лиц, склонных к совершению подобных насильственных преступлений, можно предположить, что данный мотив является одним из наиболее распространенных.

При оценке, интерпретации и расследовании таких преступлений большинство методов портретирования (статистических и психологических) не будут давать ожидаемого в части эффективности результата. Из приведенных выше примеров видно, что анализ должен проводиться не в рациональном пространстве причинно-следственных связей, а в пространстве особой психической реальности, наполненной теми же смыслами, которыми преступник наполнял акт насилия в момент его совершения.

Вместе с тем в средствах массовой информации, в электронных изданиях, посвященных насильственным преступлениям и серийным убийствам, практически постоянно описывается один и тот же мотив нанесения увечий глазам жертв – «...следователю Кузнецов объяснил, что выкалывал глаза своим жертвам, поскольку где-то прочитал о том, что перед смертью сетчатка глаза сохраняет последнее увиденное, а значит, криминалисты могли «читать» информацию об убийце»

[6]. Речь идет об Олеге Кузнецове, совершившем не менее 14 изнасилований женщин с их последующими убийствами. В 1993 г. он был осужден, на момент вынесения приговора ему было 24 года. Но складывается впечатление, что объяснения были даны или малолетним гражданином, не имеющим ни малейшего представления о современных знаниях в области естественных наук, либо пришельцем из глубокого прошлого. Или, может быть, все проще, и такое нелепое объяснение было предложено запутавшемуся в собственных мотивах преступнику самим следователем, стремящимся уложить происходящее в рамки привычной нам логики?

Еще одним аргументом, косвенно подтверждающим «искусственность» приведенного выше мотива, является факт, что далеко не всегда выкалывание глаз жертвы, выбранное нами для примера, сочетается с убийством, что было бы логично при стремлении преступника быть неопознанным в дальнейшем. Например, Михаил Кожепаров в 1997 г. напал на мальчика 5 лет и девочку 10 лет, обоим детям преступник изнасиловал и выколол им глаза. Такое поведение не укладывается в модель сокрытия следов преступления, следовательно, мотивы были иными.

К сожалению, эта история получила продолжение. Брат преступника Владимир Кожепаров, для того чтобы создать иллюзию невиновности своего брата, находящегося под стражей, напал на 14-летнюю девочку, задушил ее, изнасиловал и проколол глаза. Возникла видимость того, что настоящий маньяк все еще на свободе. Но криминалисты по характеру нанесенных повреждений сделали заключение о том, что третье нападение совершено другим человеком. Владимир Кожепаров сначала задушил ребенка и впоследствии наносил удары иглой в глаза через веки жертвы, тем самым дистанцируясь от содеянного, действуя механически, так как повреждение было единственной целью его действий. Его брат наносил удары в открытые глаза еще живых детей, потому что для него это действие было наполнено смыслом.

Данный пример вполне ярко иллюстрирует то, как особенности мотивов определяют различия в реализации преступниками одних



и тех же действий. И наоборот, нюансы совершения преступлений и, соответственно, оставленных следов, свидетельствуют о смысловом наполнении действий преступника, его мотивах и влечениях.

Перечисленные выше обстоятельства ожидаемо должны снять все вопросы о целесообразности привлечения специалиста-психолога к разработке следственных версий и сделать психологическое портретирование неизвестного преступника делом обыденным, не оставляющим нерешенных вопросов. На практике дело обстоит совершенно иначе: множество вопросов, начиная с отсутствия убедительной теоретической модели профилирования и заканчивая, например, правовым регулированием составления психологического портрета и его дальнейшего использования в ходе следственных действий [подр.: 7].

Существенным ограничением применения психодиагностических методик является отсутствие испытуемого или его незаинтересованность в получении психологом достоверных данных. Эта особенность существенно уменьшает используемый психодиагностический инструментарий, практически полностью исключая из него отдельные методы.

Но и оставшийся в распоряжении специалиста инструментарий должен быть использован не совсем традиционным для психодиагностики образом, поскольку составление психологического поискового портрета неизвестного преступника имеет ряд специфических особенностей.

Следователя или оперативного сотрудника интересует прежде всего та информация о разыскиваемом лице, которая позволит сузить круг подозреваемых и наметить направления поиска и поимки преступника. Это сильно отличается от тех задач, которые ставятся при классическом портретировании.

Обычно под «психологическим портретом» понимают словесную письменную интерпретацию личности для получения общего представления об индивидуальных качествах человека и прогнозирования его поведения, которая составляется по результатам тестов, различных опросников и общения с психологом [подр.: 7]. В ситуации с разыскиваемым преступником это невозможно по очевидным причинам.

Большинство насильственных преступлений обладают схожими чертами, поэтому их можно сравнивать, классифицировать, выдвигать следственные версии и использовать психологический инструментарий для составления психолого-криминалистического портрета разыскиваемого преступника. Но «нельзя надеяться, что стандартизованная процедура сможет широко осветить индивидуальную личность как уникальную индивидуальность. Она также не сможет способствовать проникновению в динамические процессы личности» [8], отмечает Л. Франк и в стремлении преодолеть указанное противоречие в 1939 г. объединяет уже известные, но мало похожие друг на друга методические приемы психодиагностики в одну группу – «проективные методики», занимается их дальнейшей разработкой.

Несмотря на давнее и широкое использование, проективные методы являются предметом для споров между их сторонниками и противниками. В дискуссии по оценке диагностической значимости проективных методик многие исследователи занимают пессимистическую позицию. Так, по мнению Р. Кеттелла, проективные методики характеризует крайне слабая научная обоснованность.

Многие особенности проективных методик, вытекающие из характера стимульного материала и способов получения информации, определяют основные преимущества и недостатки этой группы методов диагностики.

Так, многие ученые указывают на следующие:

- недостаточная стандартизованность проведения и подсчета показателей;
- недостаточная объективность процедур подсчета и интерпретации показателей, зависимость результатов от мастерства диагноста;
- отсутствие нормативных данных;
- зависимость результатов от личности эксперта;
- валидность и др.

В определенных ситуациях указанные недостатки становятся существенным преимуществом, позволяющим подобрать оптимальный диагностический метод практически для лю-



бой ситуации. И нужно признать, что не лишено смысла и замечание российского эксперта-профайлера А.В. Филатова, который отмечал, что иногда на практике работают вещи, не имеющие научного обоснования, а научно обоснованные – не понятно, как применять.

В настоящее время различают семь групп проективных методик [8]:

1) методики структурирования (тест чернильных пятен Роршаха; тест облаков; тест трехмерной проекции);

2) методики конструирования (тест мира и его разнообразные модификации; MAPS);

3) методики интерпретации (тест фрустрации Розенцвейга; тест Сонди; ТАТ);

4) методики дополнения (неоконченные предложения; неоконченные рассказы; ассоциативный тест Юнга);

5) методики катазиса (психодрама; проективная игра);

6) методики изучения экспрессии (особенностей речевого общения; анализ почерка);

7) методики изучения продуктов творчества (различные варианты тестов рисования).

Каждая из групп подробно описана в литературе, поэтому раскрывать их содержание будет излишним. Но отметим, что общими для всех групп проективных методик являются следующие признаки:

1) неопределенность, неоднозначность используемых стимулов;

2) отсутствие ограничений в выборе ответов;

3) отсутствие оценки ответов как «правильных» или «ошибочных».

Более всего интересны две другие особенности проективных методик:

– проективные методики характеризуются глобальным подходом к оценке личности, охватывающим личность в целом, а не измеряющим ее отдельные черты;

– проективные методики являются наиболее эффективными при выявлении скрытых, латентных или неосознаваемых сторон личности.

Поскольку при составлении психолого-криминалистического портрета одна из основных задач эксперта – проникнуть в скрытый и часто неосознаваемый даже самим преступником мир его желаний и влечений

– самой древней и непредсказуемой сферы психики человека, проективные методы подходят для решения этих задач оптимально.

Конечно, большинство перечисленных методик требуют серьезной адаптации для решения специфических задач либо должны быть разработаны, опираясь на принципы проективной психодиагностики, но некоторые могут быть использованы практически без изменений.

Прежде всего это методики, изучающие особенности речевого общения преступника. Вопреки ожиданиям, серийные убийцы не во всех случаях стремятся к анонимности и минимизации следов на месте преступления (не путать с мифом о том, что каждый преступник подсознательно мечтает быть пойман). Имеют место случаи, когда преступники направляли письма с описанием своих преступлений и иные послания в СМИ и родственникам жертв, что дает материал для анализа.

Так, Альберт Фиш, каннибал и убийца детей, в 1928 г. похитил, убил и расчленил 10-летнюю девочку, а позже написал письмо ее родителям с описанием деталей убийства.

Гэри Риджуэй, убивший 49 девушек, написал в 1984 г. письмо в газету Seattle Post-Intelligencer, в котором изложил некоторые мотивы своих действий и детали совершенных преступлений. Полиция не приняла опубликованное письмо всерьез, но в 2001 г., когда преступник был задержан, он подтвердил свое авторство.

Джон Аллен Мухаммед и Ли Бойд Малво в 2002 г. убили 17 человек. Возле одной из жертв преступники оставили письмо, в котором требовали \$10 миллионов в обмен на спокойствие, жизни и здоровье граждан.

Деннис Райдер в 1974-1991 гг. похитил и убил 10 человек. Им было направлено письмо в полицию, в котором преступник просил «остановить чудовище», которое «проникает в его мозг».

Серийный убийца, получивший прозвище «Новоорлеанский палач», с 1918 по 1919 гг. зарезал 6 и ранил 12 жертв. Преступник не был задержан, поэтому его личность не установлена, даже несмотря на то, что он также обнародовал свое послание.



Еще один неустановленный преступник, получивший прозвище «Зодиак» и совершавший убийства в 1960-х гг., направил в СМИ два зашифрованных послания.

И, пожалуй, самый известный пример, неоднократно описанный в литературе – это серийный убийца по прозвищу Джек Потрошитель. Преступник не был задержан и его личность окружена множеством легенд и домыслов, которые, в свою очередь, породили определенные сомнения в реальности его личности. В период с сентября по октябрь 1888 г. полиция Лондона и различные газетные издательства получили письма, написанные, предположительно, рукой убийцы. Достоверность этой версии придает приложенная к одному из писем человеческая почка, принадлежавшая одной из жертв.

Даже далеко не полный приведенный перечень примеров позволяет сделать вывод, что криминалисты располагают определенным материалом для анализа. Прежде всего, это графология и особенности речи как феномена психики, поскольку известно, что личность говорящего проявляется в его речи – логике изложения мыслей, речевых оборотах, словарном запасе и т.д. (в этом смысле проективные методики очень близки психолингвистике).

В части интерпретации творчества неизвестного лица объектом анализа могут быть различные графические изображения. Например, иллюстрации, сопровождающие послания, о которых шла речь выше, произвольные рисунки, оставленные где-либо, и не обязательно писцами принадлежностями. Например, они могут быть нацарапаны ножом, оставлены на месте происшествия пальцами, испачканными в грязи или крови жертвы, и т.д.

В порядке гипотезы можно предположить, что по смысловому наполнению рисуночным тестам будет близок анализ повреждений,

причиненных жертве, и других следов, оставленных на месте происшествия. Особенно в тех случаях, когда преступник не стремится к сокрытию, а, напротив, оставляет жертву на обозрение, возможно, оставляя на теле жертвы или рядом с ним какие-либо предметы.

Так, Евгений Чуплинский с осени 1998 г. до июня 2005 г. убил 19 женщин в г. Новосибирске и его окрестностях. Тела были расчленены, у многих отсутствовали сердца, на коже у трупов были вырезаны стрелки или пентаграммы. Отрезанные головы жертв убийца помещал в капюшон. Рядом с трупами были найдены различные амулеты неизвестного назначения. Тела преступник не только не прятал, но и оставлял их в местах, где их должны были легко найти [3].

Ситуация с применением проективных методик при составлении психолого-криминалистического портрета сложна и одновременно интересна не только использованием особого инструментария, но и тем, что испытуемым дается ответ до того, как вопрос задан.

Следовательно, перед специалистом-психологом стоит задача раскрыть содержание намеренного или невольного послания преступника, а также понять контекст представления информации, корректно подобрать вопрос, на который ответ уже дан.

Языком и символами, которые следует увидеть, интерпретировать и вербализовать, будет являться информация, полученная в ходе осмотра места происшествия и из других источников. Следовательно, при верном интерпретировании психолог получает возможность максимально «чистого», непосредственного «прочтения» личности неизвестного преступника. В таком контексте особое значение обретает необходимость разработки «языка» перевода «кодов», оставленных преступником, в психологические категории, поддающиеся описанию.



Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Судьба России : опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, 1918.
2. Дейч, М. Бухановский: «Чикатило плакал, как ребенок» / М. Дейч. – URL: <http://www.serial-killers.ru/materials/buchanovskij-chikatilo-plakal-kak-rebenok.htm>.
3. Добролюбов, Н. Срок навсегда. Как маньяк-полицейский убивал женщин за мораль / Н. Добролюбов. – URL: <https://life.ru/p/1095411>.
4. Иванов, В. И. Практическая криминальная гомицидология / В.И. Иванов. – СПб.: СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005.
5. Логунова, О.А. Применение знаний о личности и поведении серийных убийц в правоохранительной деятельности (обзор зарубежного и отечественного опыта) / О.А. Логунова // Психологическая наука и образование : электронный журнал. – 2011. – N 1.
6. Руденко, И. Последний маньяк Советского Союза: выкалывал жертвам глаза, чтобы сыщики не увидели в них его отображение / И. Руденко // Интернет-издание КП в Украине. – 2018. – 3 марта.
7. Сергиенко, А.С. К вопросу о составлении психолого-криминалистического портрета неизвестного преступника / А.С. Сергиенко // Научный компонент. – 2019. – N 4 (4).
8. Соколова, Е.Т. Проективные методы исследования личности / Е.Т. Соколова. – М.: Изд-во МГУ, 1987.
9. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность : Ч. 1-4. / Л.А. Тихомиров. – М., 1905. – Ч. 3.